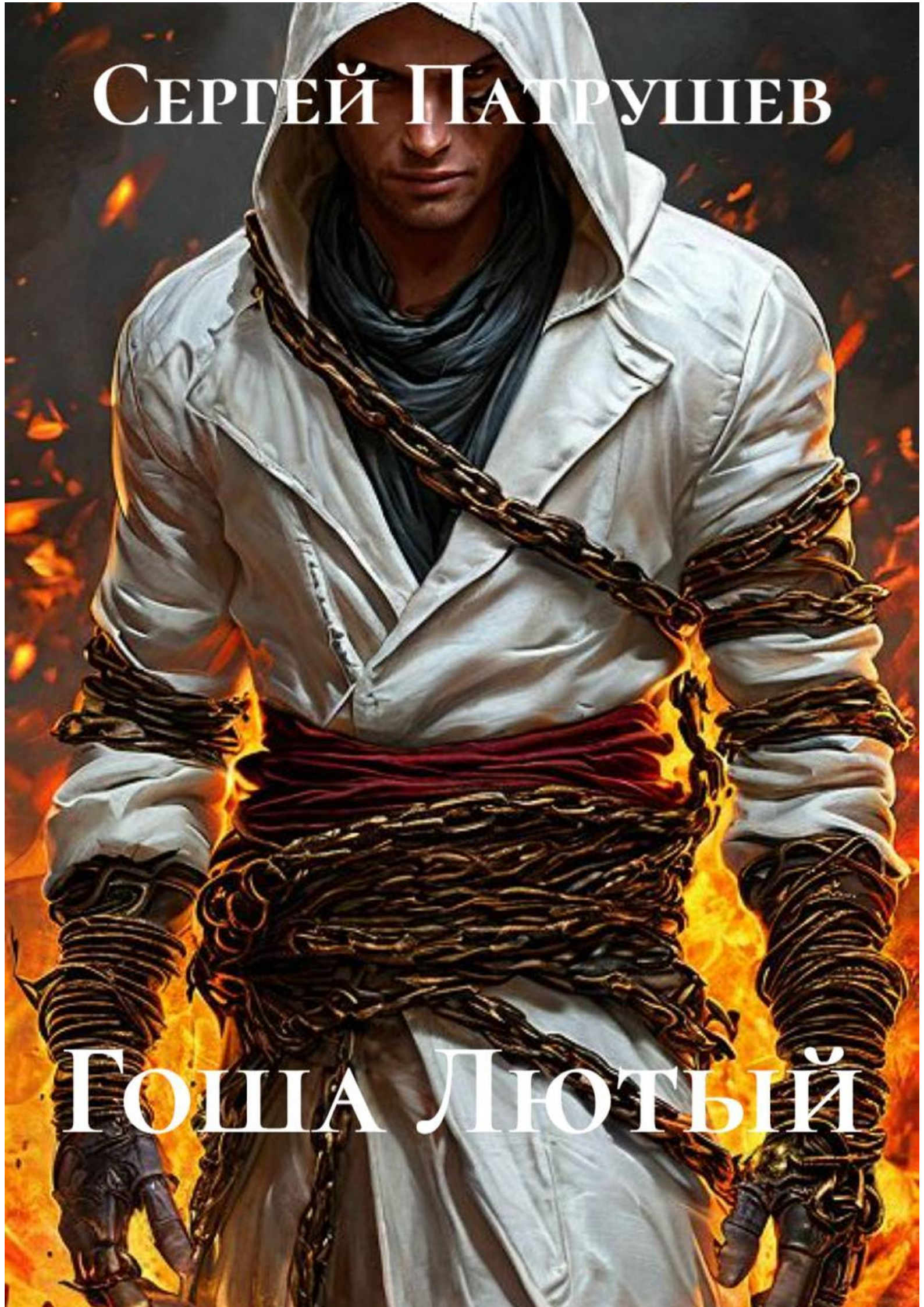

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ГОША ЛЮТЫЙ

Сергей Патрушев

Гоша Лютый

«Автор»

2026

Патрушев С.

Гоша Лютый / С. Патрушев — «Автор», 2026

Гоша Лютый — маг огня легендарного уровня, личный козырь короля и самый опасный человек в королевстве. Он сжигает ворота столицы, потому что стража попросила у него пропуск, сидит на подлокотнике трона и курит в лицо монарху, а приказы выполняет так, что даже его собственный отряд боится спрашивать, чем закончится очередное задание. Когда на востоке объявляется самозванный бог огня, а при дворе зреет заговор, именно Гоша оказывается единственным, кто может спасти королевство. Ему предстоит пройти через антимагические купола, схватки с архимагами и предательство ближнего круга, чтобы понять: его безумие — не проклятие, а осознанный выбор. Потому что, когда весь мир горит, нужен тот, кто не боится пламени.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел вместо приветствия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Гоша Лютый

Глава 1. Пепел вместо приветствия

Столица встретила его запахом горелого дерева, смешанным с терпким ароматом дегтя и привычным смрадом портовых свалок, над которыми, как всегда, с пронзительными криками кружили вечно голодные чайки, высматривающие в мусорных кучах хоть какую-нибудь поживу — выброшенную рыбу, обрезки требухи или полусгнившие фрукты, сброшенные торговцами в воду. Впрочем, сегодня к привычному зловонию города примешивался иной дым, гораздо более густой, черный, с едкой ноткой смолы и чего-то сладковатого, отдаленно напоминающего запах жженого сахара, который бывает, когда на кухне переваривают карамель. Этот дым валил от Западных ворот, поднимаясь высоко в небо и расползаясь по нему рваными клубами, словно растрепанная черная пряжа, и это был не просто пожар, это был самый настоящий автограф, оставленный человеком, который не привык утруждать себя лишними словами и объяснениями.

Гоша Лютый стоял посреди тракта, широко расставив ноги в тяжелых дорожных сапогах, покрытых коркой засохшей грязи и какими-то бурыми пятнами, происхождение которых он уже и сам не мог с точностью вспомнить, и смотрел, как пламя лижет каменные створы ворот, оставляя на них жирные языки копоти и медленно пожирая деревянные створки, которые трещали и осыпались углями. Его плащ — некогда алый, а теперь скорее цвета запекшейся крови, выцветший на плечах и прожженный в десятке мест — едва шевелился от слабого ветра, хотя, по логике, должен был бы трепетать и рваться от жара, что волнами накатывал от пылающих ворот. Но жар Гошу не беспокоил, потому что огонь признавал его своим, как старый верный пес признает хозяина, даже если тот не заходил домой три долгих месяца, пропадая где-то на краю света.

Три месяца. Именно столько длилось это проклятое задание, которое Гоша принял с молчаливым кивком, даже не удосужившись прочитать полный список условий и возможных рисков, потому что король умел просить так, что отказать ему было невозможно, а точнее — просто не имело смысла, ведь отказать королю значило либо вызвать его неудовольствие, либо переложить задачу на кого-то из отряда, кто справился бы хуже и, скорее всего, не вернулся бы вовсе. Гоша сбился со счета на тридцатый день, когда пришлось вырезать гнездо культистов в болотах под Лиховым, где они устроили себе подземный храм из человеческих костей и застоявшейся воды, в котором воняло так, что даже магический барьер не помогал от тошноты, а потом гнаться за их так называемым «помазанником», юрким и трусливым созданием с обожженным лицом и безумными глазами, через заснеженный перевал Мертвого Кабана, где ветер выл так, что заглушал собственные мысли. Там, на вершине, среди острых скал и вечной мерзлоты, он застал рассвет, залитый кровью больше, чем солнцем, и понял, что ничего удивительного в этом мире больше не осталось. Обычный вторник, если честно.

И вот теперь, спустя девяносто с лишним суток непрерывного бега, боев и выживания на грани, он наконец вернулся в столицу, чтобы сдать доклад, получить заслуженную неделю беспробудного пьянства и, может быть, впервые за долгое время выспаться на нормальной кровати с простынями, а не на мху, кишасщем многоножками, или на холодных камнях, продувае-

мых всеми ветрами. Но, разумеется, не судьба. Потому что у ворот его остановили, как какого-то бродягу, как воришку, как подозрительного крестьянина, не имеющего права ступить на мостовую столицы без соответствующего разрешения.

— Стоять! — гаркнул один из стражников, выставив перед собой алебарду с такой неуклюжей решительностью, словно это был первый день его службы, а не боевое дежурство у главных ворот. Молодой парень, лет двадцати, с прыщавым подбородком, на котором только-только начала пробиваться редкая щетина, и кольчугой, что болталась на его тощем теле, как платье на пугале, явно снятая с какого-то другого, более крупного и упитанного предшественника. — Кто таков? Предъяви пропуск!

Гоша даже не сразу понял, что обращаются именно к нему, потому что мысль о том, что кто-то может требовать у него пропуск, казалась настолько абсурдной и нелепой, что мозг просто отказывался ее обрабатывать. Он склонил голову набок, разглядывая стражника так, как разглядывают редкую безмозглую тварь, выбравшуюся на свет после затяжного дождя, и в его глазах не было ни гнева, ни раздражения, только глубокая, всепоглощающая усталость, смешанная с искренним недоумением. Потом он вздохнул, и усталость навалилась разом, как мешок с камнями, брошенный на плечи, а пальцы занемели, и пламя внутри привычно заворочалось, словно просыпаясь от долгой спячки и недовольно ворочаясь в тесной клетке его собственного тела.

— Я — Гоша Лютый, — произнес он ровным, лишенным всякой угрозы голосом, просто констатируя факт, как констатируют очевидные вещи вроде того, что солнце встало на востоке или что в Мертвом лесу не стоит ночевать без веской причины. — Из отряда «Безумие».

— Ага, а я — архимаг Пылающих Пустошей, — хмыкнул второй стражник, постарше, с обветренным лицом, на котором глубокие морщины пересекались с крючковатым шрамом через левую бровь, придавая ему вид человека, повидавшего на своем веку больше драк, чем горячих обедов. Он нахально сплюнул под ноги, смерил Гошу презрительным взглядом с головы до пят и добавил: — Знаю я таких. Явились из леса, ободрали ворону, назвались героями. Пропуск, или катись обратно в кусты, откуда вышел, пока я не вызвал караул с собаками.

Гоша снова вздохнул, на этот раз глубже, с легким присвистом, который мог бы показаться смешным, если бы не исходил от человека, только что три месяца подряд убивавшего все, что двигалось в его сторону. Он поднял глаза к небу, где лениво плыли рваные облака, подсвеченные закатом в мрачные багрово-оранжевые тона, и на мгновение задумался, не послать ли все к демонам и не обойти ли вокруг стены, чтобы пробраться через Рыбные ворота, где охрана попроще и где его, вероятно, помнят по прошлому визиту, закончившемуся грандиозной дракой с контрабандистами. Может быть, так было бы разумнее. Может быть... Нет, поздно. Поезд ушел, как говорил один его старый приятель, который умер с ножом в спине где-то на восточных болотах, и теперь уже ничего не исправить.

Что-то щелкнуло в его груди. Едва слышно, как сучок в костре, который лопается от жара, разбрасывая вокруг себя снопы искр. Затем воздух вокруг дрогнул, наполнившись сухим, колючим жаром, каким веет от раскаленной печи, и тракт под ногами Гоши покрылся сеткой тонких трещин, словно сама земля испугалась того, что должно было произойти через мгновение. Стражники не успели даже испугаться, не успели поднять оружие или хотя бы открыть рты, чтобы закричать или позвать на помощь.

Первый — прыщавый — застыл с открытым ртом, когда Гоша вскинул руку. Простой жест, почти ленивый, как отмахиваются от назойливой мухи, прилетевшей в жаркий полдень и кружащей над ухом. С его ладони сорвался поток белого пламени, не похожего на обычный огонь, который горит в очагах и факелах. Это пламя было чистым, концентрированным, похожим на жидкий свет, и оно не летело — оно обрушилось, словно кузнечный молот, разбив ворота в щепы и вплавив их в камень так, что камень зашипел и потек, как воск на свече. Доски мгновенно занялись огнем, железные скобы закрутились от невыносимого жара, а над всем этим взметнулся столб искр, похожий на разъяренный рой светлячков, подхваченных безумным вихрем.

Второй стражник — со шрамом — успел вскрикнуть, но крик его мгновенно утонул в реве пламени, заглушившем все остальные звуки, от треска дерева до отдаленных криков горожан, почуявших неладное. Когда волна жара откатилась, он лежал на земле, прижатый ударной волной, и судорожно хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, не понимая, жив он или уже умер. Кольчуга на нем потемнела и дымилась, а кожа на лице, не защищенная шлемом, покрылась красными пятнами ожогов, которые будут болеть еще не одну неделю. Он поднял голову ровно настолько, чтобы увидеть, как Гоша Лютый перешагивает через обугленные обломки ворот, не удостоив их и взглядом, и уходит в город, который только что лишился одного из своих главных укреплений.

— Скажешь капитану, — бросил он, не оборачиваясь, и голос его звучал ровно, почти скучающе, словно он давал незначительное поручение слуге. — Скажешь: Лютый вернулся.

За воротами начиналась Нижняя улица — широкая, вытоптанная тысячами ног, застроенная домами из серого камня и почерневшего дерева, где жили те, кто не мог позволить себе особняки в верхней части города, но и не скатился до трущоб у самого порта. Жители, услышав грохот и почуяв запах гари, попрятались по домам, захлопнули ставни и заперли двери на все засовы, а редкие прохожие, не успевшие скрыться, жались к стенам, провожая его испуганными взглядами и торопливо крестясь, словно мимо проходил не человек, а сама смерть, на время принявшая человеческое обличье. Гоша шел медленно, тяжело, как человек, который несет на плечах невидимую ношу, и его плащ волочился по земле, поднимая за собой облачка пепла, уже начавшие кружить в воздухе.

Он знал: за дымом наблюдают. Король наверняка стоит у окна в своей башне, смотрит на черный столб, поднимающийся над Западными воротами, и усмехается, потому что этот старый лис всегда умел ценить эффектные появления и красивые жесты, даже если они стоили казне новых ворот и испорченной репутации его верного начальника стражи. «Гоша, — скажет он потом, на докладе, когда они останутся вдвоем в западной галерее, где пахнет вином и старой бумагой, — ты опять сжег казенное имущество. Мне нравится». И нальет вина в два кубка, не дожидаясь ответа, потому что король всегда знал, когда можно спрашивать, а когда лучше просто наполнить бокалы и сделать вид, что ничего не произошло.

Но до доклада еще нужно было дойти, а Гоша чувствовал, как внутри разгорается холодная ярость, та самая, которую он так долго учился сдерживать и которая все равно время от времени прорывалась наружу, как лава из трещины в земле. Пропуск. Они попросили у него пропуск. После всего, что он сделал для этого королевства. После того, как он, Гоша Лютый, маг огня легендарного уровня, вытащил их задницы из Гнилищской топи, сжег колдуна-получника под Стеклянным мостом и развеял прах пятнадцати всадников Алого Ордена, кото-

рых боялись даже ветераны войны с Севером. После всего этого они попросили у него пропуск, как у какого-то бродячего торговца, у которого может не быть разрешения на въезд.

На ум пришла мысль, быстрая и острая, как клинок, выхваченный в темноте: а что, если развернуться и сжечь весь город? Просто, чтобы никто больше не задавал глупых вопросов, чтобы не приходилось больше выслушивать это бесконечное «предъяви пропуск», «остановись», «брось оружие». Гоша прикинул масштаб, как опытный стратег оценивает поле боя перед сражением. Нижний квартал выгорит быстро — дерево старое, сухое, хорошо займется, особенно в эту пору, когда дождей не было уже несколько недель и крыши высохли, как порох. Верхний город, с его каменными особняками, храмами и башнями магов, попотеет дольше, но тоже справится, если приложить усилие и не экономить силу. Дворцовая площадь... Там, пожалуй, придется постараться, потому что вокруг дворца стоят магические щиты, накопители, защитные амулеты, а в подвалах, насколько он помнил, спят боевые големы, которых не будили уже лет пятьдесят. Но он бы справился. Всегда справлялся.

Гоша тряхнул головой, отгоняя фантазию, как назойливую муху. Нет, это усталость говорит. Три месяца без нормального сна, без горячей еды, без единой минуты тишины, если не считать тех коротких мгновений между боями, когда он засыпал, привалившись спиной к дереву или камню, зная, что в любой момент может проснуться от прикосновения клинка к горлу. Он не хотел умирать. Пока.

Улица расширялась, упираясь в рыночную площадь, где, несмотря на суматоху и дым у ворот, все еще кипела торговля, потому что народ, как известно, не может жить без рынка, даже если небо рушится на голову. Зазывалы орали во всю глотку, расхваливая свой товар, кузнецы стучали молотами по наковальням, а в воздухе смешивались запахи гнилых овощей, свежей крови, дешевого пива и пота, создавая ту неповторимую атмосферу, ради которой люди либо любят, либо ненавидят столичный рынок. Когда Гоша появился на краю площади, шум постепенно затих, как затихает лес перед грозой, когда птицы вдруг перестают петь и все живое замирает в ожидании чего-то страшного. Сначала на него оборачивались ближайшие торговцы, затем волна тишины поползла дальше, захватывая все новые ряды, как круги по воде от брошенного камня.

Кто-то выронил мешок с яблоками, и красные плоды раскатились по брусчатке, разлетаясь в разные стороны, как испуганные мыши. Гоша наступил на одно из них, и оно хрустнуло под его сапогом, размазавшись по камню липким пятном. Он остановился, посмотрел на это пятно и почему-то вспомнил, как три дня назад раздавил голову человека, который пытался перерезать ему горло отравленным кинжалом. Тоже хрустнуло. У того человека был нож, смазанный сонной настойкой, и заказ от какого-то провинциального лорда, пожелавшего получить уши Гоши в качестве трофея. Гоша не запомнил его лица. Только звук.

— Это же... — раздался шепот откуда-то сбоку, такой тихий и испуганный, что Гоша едва его расслышал. — Лютый...

— Тише ты, дурак! Хочешь, чтобы он на тебя посмотрел?

— А я слышал, он на задании погиб. Говорят, в болотах...

— Врут, значит.

— Да уж... ворота... боги...

Гоша двинулся дальше, не удостоив шепчущихся и взглядом. Толпа расступалась перед ним, как море перед носом корабля, как вода, разрезаемая килем, и люди, еще минуту назад торговавшиеся и спорившие, теперь молча жались друг к другу, боясь даже дышать в его присутствии. Даже нищие на паперти храма — вечно блеющие о милостыне и протягивающие прохожим свои деревянные плоски — притихли, прижав к груди свои скудные пожитки. Гоша заметил, как один из них, старик с бельмом на глазу и трясущимися руками, торопливо чертит в воздухе охранный знак, который должен был защитить его от злых духов и нечистой силы. Бесплезная штука. Против огня она не помогает. Против Гоши — тем более.

На углу стояла стража. Четверо, может пятеро, трудно было сосчитать за их щитами и выставленными вперед копьями. Они видели его, видели дым над воротами, чувствовали запах гари, который принес ветер. Их капитан, грузный мужчина с усами, как у моржа, и красным лицом человека, злоупотребляющего дешевым вином, сделал шаг вперед, и его рука, сжимавшая рукоять меча, заметно дрожала. Гоша даже не замедлился.

— Стой! — рявкнул капитан, но голос его дрогнул, выдавая страх, который он так старался скрыть. — Ты арестован за порчу городского имущества и нападение на стражу! Брось оружие!

Оружия у Гоши при себе не было. Он мог бы сказать это. Мог бы показать пустые руки, медленно подняв их над головой, как делают, когда хотят показать, что не представляют угрозы. Но вместо этого он поднял правую ладонь, и на ней заплесал маленький язычок пламени — синий, почти прозрачный, как лепесток редкого цветка, который растет только на вершинах самых высоких гор и цветет раз в сто лет. Капитан побледнел так быстро, что его лицо стало похоже на несвежую простыню.

— Ты знаешь, кто я? — тихо спросил Гоша, и в его голосе не было ни угрозы, ни вызова, только бесконечная усталость человека, который уже сотню раз проходил через это.

— Знаю, — выдавил капитан, и его кадык дернулся, когда он судорожно сглотнул. — Но приказ...

— Забудь про приказ.

Синий язычок вырос до размеров футбольного мяча, и его свет стал ярче, но не теплее — наоборот, от него веяло холодом, как от свежего ночного ветра на кладбище. Пламя не обжигало, но его вид был каким-то неправильным, противоестественным, как будто сам огонь восстал против своей природы. Стражники, что стояли позади капитана, попятнулись, не сводя глаз с этого жуткого синего свечения. Кто-то уронил щит, и тот с гулким звоном покатился по мостовой, разгоня голубей, которые с испуганным хлопаньем крыльев взмыли в небо.

— Доложи королю, что я иду, — сказал Гоша, и синий огонь погас, оставив в воздухе едкий запах озона, который еще долго будет витать над этим местом, напоминая о его появлении. — Доложи прямо. Пусть ждет.

Капитан открыл рот, но не издал ни звука, потому что язык его прилип к нёбу, а ноги стали ватными и непослушными, как у человека, разбуженного посреди кошмара. Когда Гоша

прошел мимо, на него пахло гарью и чем-то сладковатым, как гниющие цветы, брошенные в костер, и этот запах врезался в память стражников, чтобы преследовать их потом во снах до конца жизни. Никто из них не двинулся с места, пока Лютый не скрылся за поворотом, и только тогда капитан позволил себе выдохнуть и прислониться к стене дома, потому что ноги отказывались держать его грузное тело.

Гоша углублялся в город, и мимо проплывали знакомые вывески, каждая из которых хранила свои воспоминания, свои истории, свои старые раны. «Утопленник и свеча» — таверна, где подавали лучшее пиво в Нижнем квартале, густое, темное, с пеной, способной выдержать медную монету, и где он когда-то проиграл в кости свой последний серебряный, а потом выиграл его обратно, переломав пальцы шулеру. Лавка старьевщика, у которого он однажды купил странный амулет с зеленым камнем, оказавшийся проклятым и едва не стоивший ему души, — старик, разумеется, клялся, что вещь абсолютно безопасна и приносит удачу. И переулок, где ему перерезали горло... ну, пытались. Здесь прошло много времени. Слишком много для одного человека, даже для такого, как он.

Он свернул к Кривой лестнице — длинному, извилистому подъему, соединявшему нижний и верхний город, по ступеням которого каждый день поднимались и спускались тысячи людей: торговцы, ремесленники, паломники, нищие, воры и стражи. Вдоль ступеней обычно стояли уличные торговцы, продававшие всякую мелочь — от глиняных свистулек до поддельных амулетов, — но сегодня их лотки пустовали, потому что слух о пожаре уже разлетелся по городу быстрее, чем дым. Только мальчишка-газетчик дрожал в тени, сжимая в худых руках стопку листов, и его глаза были такими большими, что казалось, будто они занимают половину его лица.

— Последние новости! — заверещал он, заметив приближающегося Гошу, но голос его сорвался, и последнее слово прозвучало как испуганный писк. — Лютый сжег Западные ворота! Погибших нет! Стража в бешенстве! Король...

Мальчишка осекся, когда понял, кто именно стоит перед ним, и его челюсть отвисла так низко, что стала видна щербатая дырка на месте переднего зуба. Гоша остановился и посмотрел на него сверху вниз, как смотрят на котенка, забравшегося на подоконник.

— Дай, — сказал он, протянув руку, и его голос прозвучал спокойно, даже устало.

Газетчик трясущимися пальцами выудил листок из стопки, едва не рассыпав все остальные, и протянул его Гоше. Тот взял листок, развернул и пробежал глазами по заголовку, который кричал: «ЛЮТЫЙ ВЕРНУЛСЯ: ГОРОД В ОГНЕ». Он хмыкнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Быстро же работают. Внизу шли строчки о том, что столица не видела подобного с прошлой осени, когда он «случайно» поджег конюшни посольства, приняв их за тренировочный лагерь наемников.

Гоша вернул листок и пошел дальше, а мальчишка еще долго смотрел ему вслед, потом сорвался с места и скрылся в переулке, как будто за ним гнались все демоны преисподней.

Кривая лестница петляла между домами, как пьяная змея, и здесь было тише, чем на рыночной площади. Слышалось только эхо его шагов, тяжелое и ритмичное, как удары сердца, и этот звук отдавался от стен, создавая странное ощущение, будто кто-то идет за ним следом. Гоша слышал эти шаги и не слышал одновременно, потому что его мысли были далеко — на

болотах, на перевалах, в темных лесах, где остались тела его спутников. Он все еще перебирал в уме детали задания, словно пожелтевшие страницы дневника. Как они уходили — четверо из отряда «Безумие»: он, Вишня, Коготь и Шепот. Как возвращались — только он и Вишня, вся в крови, но целая, если не считать сломанных ребер и глубокого пореза на бедре. Остальные... Да к черту.

На полпути, у небольшой площадки с полуразрушенной статуей святого Пипина, стояла женщина в сером балахоне. Старуха. Она торговала вениками, и не первый год — Гоша помнил ее еще с тех времен, когда сам был сопливым учеником мага, таскавшимся за своим наставником по всем злачным местам столицы. Увидев Гошу, старуха не убежала, не вскрикнула, не стала прятаться. Она прищурилась, пожевала губами, и на ее морщинистом лице отразилось нечто среднее между любопытством и осуждением.

— А я-то думала, кому это неймется, — изрекла она, и голос ее скрипел, как несмазанная телега. — Опять ты, Лютый.

— Здравствуй, Марта, — ответил он, не останавливаясь, но слегка замедлив шаг.

— Куда прешь, баран безрогий? — крикнула она ему вслед, и в ее голосе не было ни капли страха, только старческая ворчливость человека, которому уже все равно, кого отчитывать. — Ворота сжег! А кто за них платить будет? Может, тебе король еще медаль даст?

— Даст, — Гоша позволил себе слабую улыбку, которая тут же исчезла, как иней под утренним солнцем. — И вина нальет.

— Тьфу, бесноватый! — старуха развернулась и заковыляла прочь, ворча что-то про «проклятых магов», «свою бедную капусту, которую теперь не продать» и «времена, когда такие, как он, знали свое место».

Королевский дворец вырос перед ним внезапно, как скала из тумана. Высокие шпили, заостренные арки, каменные горгульи, которые, по слухам, оживали ночью и охотились на неосторожных воров. Гоша знал: не по слухам. Ему доводилось видеть, как одна из них спрыгнула с крыши и разорвала шпиона, пробравшегося во дворец под покровом темноты. Красивое было зрелище, если не считать криков, которые потом еще долго стояли в ушах.

У главных ворот его ждали. Двенадцать гвардейцев в полном облачении, с секирами и щитами, выстроились полукругом, перекрывая проход. Их командир, сухой, как жердь, с лицом, изрезанным морщинами, стоял впереди, и его руки были скрещены на груди. Гоша узнал его: Леонард фон Криг, начальник дворцовой стражи. Он ненавидел Лютого лютой ненавистью, которая с годами превратилась в ритуал, в своего рода танец, который они исполняли при каждой встрече. Каждая встреча — поединок взглядов, каждый раз — скрежет зубов и едва скрываемая взаимная неприязнь.

— Лютый, — процедил Леонард, и это прозвучало как проклятие, как ругательство, как оскорбление, произнесенное с особым нажимом.

— Фон Криг, — вежливо кивнул Гоша, сохраняя на лице выражение скучающего безразличия.

— Ты арестован.

— Я устал.

— Мне плевать, что тебе. Ты сжег ворота, напал на стражу. Ты пойдешь в кандалах.

Гоша поднял бровь. Затем посмотрел на гвардейцев, которые стояли за спиной своего командира, как каменные изваяния. Они не выглядели уверенными. Под их шлемами стекал пот, а руки, сжимавшие древки секир, дрожали, как осиновые листья на ветру. Гоша мог бы поклясться, что слышит стук их сердец.

— Леонард, — Гоша вздохнул, и в этом вздохе было больше усталости, чем раздражения. — Я только что прошел через три болота, два горных перевала и одно кладбище, которое на самом деле было не кладбищем, а гнездом нежити. Я не спал четверо суток. Я сжег двенадцать культистов, одного полубога и сотню гнилых тварей, которые хотели сделать из моих кишок скакалку. И ты хочешь, чтобы я пошел в кандалах?

— Таков порядок, — но голос фон Крига уже не был таким твердым, и его правая рука незаметно опустилась к поясу, где висел меч.

Гоша сделал шаг. Гвардейцы отшатнулись, как один человек. Леонард не двинулся с места, но его рука сомкнулась на рукояти меча с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

— Я пойду к королю, — сказал Гоша. — Прямо сейчас. Если хочешь — попробуй меня остановить. Но помни, чем закончилось в прошлый раз.

Фон Криг побледнел. В прошлый раз закончилось тем, что его лучший гвардеец месяц провел у лекарей, а сам Леонард лишился фамильного плаща, который Гоша поджег, неосторожно чихнув. Это был несчастный случай. Почти.

Наступила тишина. Такая, какая бывает в лесу перед грозой, когда замирает ветер, умолкают птицы, и даже листья перестают шелестеть, словно вся природа задерживает дыхание в ожидании удара молнии. Где-то далеко, на Нижней улице, все еще валил дым, поднимаясь над городом, как черный флаг. Вороны на крыше дворца раскаркались, словно подначивая кого-то сделать первый шаг, словно им не терпелось увидеть кровь. Гоша смотрел на фон Крига, а тот — на Гошу. По коже гвардейцев тек пот; один из них, самый молодой, едва не уронил секиру, и звон металла о камень прозвучал как выстрел.

— Пусть пройдет, — проскрипел кто-то сзади. Голос был старческий, надтреснутый, но властный, как у человека, привыкшего, что его приказы исполняются без обсуждений.

Гоша обернулся. К воротам, шаркая, приближался советник Марцелл, седой, как снег на вершинах, с посохом из черного дерева, на навершии которого сидел ворон с рубиновыми глазами. Он всегда появлялся в самые неприятные моменты, как напоминание о том, что у королевства есть не только кулаки, но и мозги, и что эти мозги могут быть опаснее любых клинков.

— Советник, — сквозь зубы процедил фон Криг, и в его голосе прозвучало раздражение человека, у которого отбирают добычу. — Но...

— Пусть пройдет, — повторил Марцелл, не повышая голоса, но в его тоне было столько спокойной силы, что даже Леонард не решился спорить. — Его ждут.

Гвардейцы расступились. Медленно, нехотя, словно размыкая кольцо, которое им так хотелось сомкнуть вокруг наглеца. Гоша прошел между ними, ощущая, как враждебные взгляды жгут спину, но это было даже приятно. Как глоток холодной воды в жаркий день. Он заметил, что у фон Крига на скуле дергается мышца. Забавно.

— Рад тебя видеть, Гоша, — негромко сказал Марцелл, когда они миновали ворота и вышли во внутренний двор, где росли аккуратно подстриженные кусты, в мраморном фонтане журчала вода, и пахло розами. Слишком умиротворенно для человека, только что сжегшего городские ворота.

— Взаимно, — отозвался Гоша.

— Король наверху, в западной галерее. Ты знаешь дорогу.

— Знаю.

— И, Гоша... — Марцелл остановился, опираясь на посох, и его ворон наклонил голову, разглядывая Лютого одним глазом. — В следующий раз, когда решишь что-то поджечь, предупреди меня. Я бы хоть шторы закрыл.

Лютый не ответил. Он вошел в прохладу дворца, где пахло лавандой и старой бумагой, где солнечный свет, проходя сквозь витражи, рисовал на полу разноцветные узоры, и где каждый звук отдавался эхом от высоких сводов. Здесь, в тени величественных залов, было тихо, несмотря на суматоху, которая наверняка царила за стенами. Придворные, прислуга, пажи — все провожали его взглядами, но не произносили ни слова, как будто боялись, что даже шепот может привлечь его внимание. Казалось, дворец затаил дыхание, как человек, который боится спугнуть опасного зверя, случайно забредшего в его жилище.

Гоша поднимался по лестницам, чувствуя, как тело начинает ломить, а усталость накачивается волнами, одна за другой, грозя утащить его в темноту прямо здесь, на мраморных ступенях. Ноги тяжелели с каждым шагом, в висках стучало, а перед глазами плыли черные пятна, которые он разгонял усилием воли. Но он шел. Оставалось немного. Сдать доклад. Получить неделю покоя. А потом... Он не знал, что потом. Может быть, напиться до беспамятства в «Утопленнике и свече» и сжечь какую-нибудь второстепенную деревню. Шутка.

Западная галерея встретила его светом — мягким, струящимся сквозь витражи, изображавшие битвы древних королей, где закованные в сталь воины рубили друг друга на фоне горящих городов и падающих башен. Красные, синие, золотые пятна плясали по полу, создавая причудливую мозаику, которая двигалась и менялась с каждым дуновением ветра. У окна, выходящего на город, стоял король. Он был высок, широкоплеч и слегка расплылся в талии после долгих лет мира, но в его осанке все еще чувствовалась былая мощь воина, который когда-то сам водил армии в бой. Корона лежала на подоконнике рядом с кубком вина, как будто король снял ее, чтобы не мешала смотреть. Король Эдельмунд Третий по прозвищу Терпеливый смотрел на столб дыма над Западными воротами и улыбался.

— С возвращением, — произнес он, не оборачиваясь.

— Ваше величество, — буркнул Гоша, останавливаясь в дверях.

— Ворота, значит.

— Ворота.

Король наконец повернулся. Его глаза — серые, как сталь перед ковкой, — прищурились в усмешке, а на губах играла та самая улыбка, которая появлялась у него, когда он задумывал очередную хитрую комбинацию. Он отпил вина, поморщился и поставил кубок на подоконник.

— Ну рассказывай. Мне уже сгореть от любопытства?

И Гоша начал говорить. О болотах, культистах, тварях, преследовании, ночевках под холодным дождем, о том, как они с Вишней потеряли остальных, и о том, как он спалил полбога, когда тот почти принял свою форму. Король слушал молча, иногда кивая, иногда перебывая уточняющим вопросом. А дым за окном медленно таял, растворяясь в сером небе, как напоминание о том, что не все приветствия начинаются со слов.

Когда доклад закончился, король налил вина во второй кубок и протянул Гоше.

— И все же, — сказал он с усмешкой, — почему ворота? Неужели нельзя было просто показать пропуск? У тебя же был пропуск.

Гоша взял кубок, посмотрел на темно-красную жидкость, а потом на короля.

— Они его не просили, — ответил он. — Они приказали. А приказов я не терплю.

Король рассмеялся. Смех его был низким, грудным, и разлетался по галерее, заставляя горгулий на карнизах недовольно шевелиться. Гоша сделал глоток. Вино было терпким, как и его слава.

— Охрана в бешенстве, — отсмеявшись, произнес король. — А мне, если честно, все равно. Ты — мой козырь, Лютый. А козыри не ходят по уставу.

— Так точно, — Гоша допил вино и поставил кубок на подоконник. — Я могу идти?

— Иди. Отдохни. И... Гоша?

— Да?

Король кивнул за окно, где на месте ворот уже работала команда водовозов.

— Следующий раз, когда будешь жечь ворота, сделай это с той стороны, чтобы они не орали на меня с утра. А то мне их жалобы слушать еще скучнее, чем твои отчеты.

Гоша позволил себе короткий смешок.

— Постараюсь, — сказал он и вышел, оставив короля наедине с дымом и смехом, который еще долго гулял под сводами дворца, как отголосок далекой войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.